

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09»20»

EDN ELRCVK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-94-100>

УСАДЕБНЫЙ ТОПОС ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ В РОМАНЕ Б.Ш. ОКУДЖАВЫ «ПОХОЖДЕНИЯ ШИПОВА, ИЛИ СТРАННЫЙ ВОДЕВИЛЬ»

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье аналитически осмысливается роль усадебного топоса Ясной Поляны в романе Б.Ш. Окуджавы «Похождения Шипова, или Странный водевиль». Отмечается, что характеристика композиции, стилистики романа, ключевых принципов организации художественного текста немислимы без оценки роли усадебного топоса. В художественном мире произведения существуют два образа Ясной Поляны – вымышленный и реальный. Первый появляется сразу и существует до финальной поездки жандармов с обыском в имение Толстого, реальный образ Ясной Поляны реализован в тексте за счет небольших по объему выдержек из писем самого Толстого к родным и друзьям. В работе применительно к роману характеризуется семантика усадебного сверхтекста и описываются его уровни. Топос Ясной Поляны способствует гармоничному сочетанию жанров исторического и авантюрно-психологического романов, позволяет Окуджаве выстроить целую систему оппозиций героев, точек зрения, отношения к событиям.

Ключевые слова: Б.Ш. Окуджава, Л.Н. Толстой, усадебный топос, исторический роман, историческая основа, авантюрно-психологическая линия, игра, семантика усадебного сверхтекста.

Благодарности: исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051: «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала», <https://rscf.ru/project/22-18-00051>

Для цитирования: Андреева В.Г. Усадебный топос Ясной Поляны в романе Б.Ш. Окуджавы «Похождения Шипова, или Странный водевиль» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 94–100. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-94-100>

Research Article

THE ESTATE TOPOS OF YASNAYA POLYANA IN THE NOVEL BY B.SH. OKUDZHAVA “THE ADVENTURES OF SHIPOV, OR STRANGE VAUDEVILLE”

Valeria G. Andreeva, Doctor of Philological Sciences, Leading Research Fellow, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Kostroma State University, Kostroma, Russia, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article analytically comprehends the role of the estate topos of Yasnaya Polyana in the novel by Bulat Okudzhava “The estate topos of Yasnaya Polyana in the novel by Bulat Okudzhava “The Extraordinary Adventures of Secret Agent Shipov in Pursuit of Count Leo Tolstoy, in the year 1862”. It is noted that the characteristics of the composition, stylistics of the novel, and the key principles of the organisation of the literary text are unthinkable without assessing the role of the estate topos. In the artistic world of the work, there are two images of Yasnaya Polyana – fictional and real. The first appears immediately and exists until the final trip of the gendarmes with a search to Leo Tolstoy’s estate; the real image of Yasnaya Polyana is realised in the text through short excerpts from Leo Tolstoy’s letters to his family and friends. In relation to the novel, the work characterises the semantics of the estate supertext and describes its levels. The topos of Yasnaya Polyana promotes a harmonious combination of the genres of historical and adventure-psychological novels, allowing Bulat Okudzhava to build a whole system of oppositions of heroes, points of view, and attitudes to events.

Keywords: Bulat Okudzhava, Leo Tolstoy, estate topos, historical novel, historical basis, adventure-psychological line, game, semantics of estate supertext.

Acknowledgments: this work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Andreeva V.G. The estate topos of Yasnaya Polyana in the novel by B.Sh. Okudzhava “The Adventures of Shipov, or Strange Vaudeville”. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 2, pp. 94–100 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-94-100>

До сих пор исторический роман Б.Ш. Окуджавы «Похождения Шипова, или Странный водевиль» (1971) является одним из малоизученных произведений автора. Между тем художественный мир книги сложен и разноаспектен: имея явную историческую основу, относящуюся ко времени, предшествующему написанию произведения примерно на 90 лет, роман был чрезвычайно актуальным в 1970-е гг., остается он не менее насущным и в наши дни. Хотя, как справедливо отмечает Е.Н. Матюшкина, «на фоне исторической романистики 1960–80-х годов произведение Б. Окуджавы “Похождения Шипова, или Старинный водевиль” выделяется, прежде всего, неожиданной в рамках избранной жанровой формы трактовкой прошлого. Критика того времени не смогла адекватно оценить роман, осознать его документальный характер. Исследователи определяли роман как “непонятную вещь” или “странную прозу”» [Матюшкина: 44].

В данной статье мы не предполагаем проводить целостный анализ романа и его ключевых героев, цель работы заключается в аналитическом осмыслении роли усадебного топоса Ясной Поляны в произведении, выявлении конкретных уровней семантики усадебного сверхтекста. Однако усадебный топос настолько значим в романе, что характеристика композиции, стилистики романа, ключевых принципов организации художественного текста немыслимы без оценки роли усадебного топоса.

Но прежде чем перейти собственно к предмету исследования, обратимся к исторической основе романа, его жанровой характеристике. Роман вышел в № 12 журнала «Дружба народов» за 1971 г. и назывался в первой публикации чуть пространнее – «Мерси, или Похождения Шипова: Старинный водевиль: Истинное происшествие». Исследователи отмечают, что одним из главных источников для романа Окуджавы стала статья И. Ильинского «Жандармский обыск в Ясной Поляне в 1862 г.» (1932). Тема политического сыска и преследования политических преступников была актуальной во все времена, не исключением оказался и Советский Союз. Разумеется, прямо о героях своего времени Окуджава писать не мог, поэтому им в качестве реальной жизненной фабулы был выбран сюжет о слежке за Л.Н. Толстым и проведении в усадебном доме Толстого в Ясной Поляне обыска. Е.Н. Матюшкина подчеркивает, что «роман “Похождения Шипова” создавался в тот период, когда разворачивалась писательская кампания в защиту А. Гинзбурга, создавшего “Белую книгу” (лето 1966 года), когда Б. Окуджава подписал письмо в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля» [Матюшкина: 46].

В художественном мире романа гармонично сочетаются историческая канва и авантюрно-психологические элементы, которые и слагают основной сю-

жет произведения. При этом все герои делятся на два противоположных лагеря. Главную антитезу на уровне персонажей «Л.Н. Толстой – сыщик Шипов» усиливает значительная группа лиц, занимающих руководящие посты и допустивших, утвердивших слежку за писателем.

При создании произведения Окуджава использовала действительные исторические документы – доносы и письма, лишь немного изменяя их. К примеру, первая выдержка из донесения жандармского штаб-офицера трансформирована всего на несколько слов. Чтобы не усложнять роман пояснениями, Окуджава заменил наименование революционной группы «Великорусс» на описательное выражение «из разных предосудительных изданий» [Окуджава]. В материалах к биографии Толстого Н.Н. Гусев восстанавливает всю канву событий со слежкой за Толстым и последующим обыском в Ясной Поляне, показывая, как правительство было напугано привезенной из Лондона и составленной Н.В. Шелгуновым прокламацией «К молодому поколению», как жандармский полковник Воейков сообщил в третье отделение слухи и опасения, связанные с деятельностью Толстого, как далее раскручивалось колесо слежки, а сыщику Шипову было поручено наблюдать за писателем в Москве и Ясной Поляне [Гусев: 497–498]. Разумеется, Окуджава несколько приукрасил приключения Шипова и его помощника Амадея Гираса, однако исторические свидетельства показывают, что элементы авантюры присутствовали и в реальной истории, что писателем была мало изменена суть фигуры и натуры Шипова.

В.В. Выдрина справедливо отметила, что в романах Окуджавы второй половины XX в. «очевидна ориентация на классические образцы литературы XIX в.» [Выдрина: 125]. Исследователи находят в образе сыщика Шипова отдельные поведенческие черты Чичикова – главного героя «Мертвых душ» Гоголя. Окуджава было важно создать в романе полное и контрастное противопоставление, кроме того, авантурные элементы в повествовании (как и у Гоголя) часто связаны с картинами и явлениями быта, а также окружением и привычками жизни героев.

Топос Ясной Поляны появляется уже в первой строке романа: «...В Тульской губернии проживает в собственном имении “Ясная Поляна” отставной артиллерийский офицер Толстой, очень умный человек, воспитывался, кажется, в Московском Университете и весьма замечателен своим либеральным направлением, в настоящее время он очень усердно занимается распространением грамотности между крестьянами...» [Окуджава: 4]. Донесение жандармского офицера в целом можно свести к тому, что Толстой в своем загородном имении живет, как хочет, и делает, что хочет. В сведениях о Толстом, сообщаемых разны-

ми административными лицами друг другу, то и дело встречаются наугад написанные факты, мало или совершенно не соотносимые с реальными событиями жизни Толстого. Окуджава иллюстрирует невежество большинства жандармов, которые в это время (действие происходит в 1862 г.) не знали уже широко известного всей России талантливому писателю Толстому. Так, из текста послания генерал-майора Потапова прекрасно заметно, что он гораздо лучше осведомлен о материальном – об имении, нежели о хозяине этого имения и его роде деятельности. Так, в финале Потапов отмечает: «Кстати, кажется, Граф Лев Николаевич – автор “Детство”, “Юношество”, “Воспоминание о Севастополе” и проч.» [Окуджава: 4].

Окуджава не раз в романе высмеивает примитивность и ограниченность людей, преимущественно главного исполнителя, Шипова, которому поручено было дознание. Цыган Амадей Гирос, взятый Шиповым в помощь, намного лучше самого сыщика понимает положение дел с либеральной интеллигенцией. Когда Гирос рассказывает Шипову о своей второй иллюзорной встрече с Толстым, он выдумает линию о финансовой помощи Толстого Герцену. «Кому?» – переспрашивает Шипов, не зная фамилии известного всем образованным кругам эмигранта. «Известный возмутитель, Мишель. Живет в Англии... Да, помогать, значит, этому Герцену, крестьянам жужжать в уши, что больно их притесняют, притесняют... А когда придет, мол, время, молнию-то и запустить», – отвечает Гирос [Окуджава: 28].

Сыщики уровня Шипова или Гироса не смогли самостоятельно разобраться во взглядах и жизненной позиции Толстого, но Окуджава показывает, что ни один из начальников более высокого уровня не позаботился о том, чтобы более четко узнать взгляды писателя и общественного деятеля. Если бы усилия жандармского управления были направлены не на внутреннюю переписку, а вовне, то они бы узнали, что и Толстой, и яснополянские учителя были заняты поиском наилучших способов и приемов обучения крестьянских детей: «Толстой выступил против заформализованности обучения не только в школах Западной Европы, но и в самой России, считая, что формализм европейского образования имеет наукообразный характер, а формализм отечественной школы – схоластически религиозный» [Хуторской: 93].

На протяжении всего повествования фигура Толстого и топос Ясной Поляны неразрывно связаны. Несмотря на тот факт, что горе-сыщики будут рисовать в воображении сцены общения с Толстым, главной целью станет поиск запрещенного в усадьбе.

С точки зрения взаимоотношений участников усадебного бытия в прошлом и настоящем важным оказывается то, что Шипов до своей карьеры сыщика был служащим в доме князя Долгорукова. «За столом

служил, пода-вал-с», – рассказывает Шипов [Окуджава: 15]. У высоких чинов складывается прочное убеждение в том, что бывший человек шефа жандармов и начальника III отделения Василия Андреевича Долгорукова не может не выказать в деле глубокой преданности и старательности. Между тем Шипов не просто лентяй и пьяница, он еще и завидует Толстому. Его не покидает ощущение своей незначительности по сравнению с владельцами имений, не случайно перед хозяйкой квартиры в Туле (Дасей) Шипов пытается предстать помещиком, знающим французский.

Главная ошибка властей, которую много раз подчеркивает Окуджава, заключалась в выборе человека слишком низкого уровня. Сама слежка за Толстым отвратительна и безосновательна, однако хоть сколько-нибудь образованный сотрудник жандармского управления смог бы все быстро выяснить и отвести подозрения от Толстого и его имения. Именно такую попытку открыть начальству правду предпринимает в романе жандармский полковник Муратов (во многом повинный в возникновении скандала). Однако Окуджава прекрасно демонстрирует, что заведенный механизм обвинения продолжает работать. Не случайно губернатор, при одном взгляде оценивший Шипова, сразу называет его «чудовищем» и далее недоумевает, почему «охотник за жуликами должен соваться в жизнь графа Льва Николаевича» [Окуджава: 16]. Шипов боится приблизиться к Толстому: и лично к писателю, и к Ясной Поляне. Постоянное пьянство сыщика в некотором роде оказывается его уходом от реальности, в которой он должен уличить Толстого. С.С. Бойко отметил, что у Окуджавы «сопоставление персонажей связано не со “сменой эпох”, а с мозаичностью синхронного среза культуры, которая слагается из субкультур разного типа с присущими характерами: ... аристократ Толстой – жулик Шипов...» [Бойко: 6].

В художественном мире романа существуют два образа Ясной Поляны – вымышленный и реальный. Вымышленный образ появляется на первых страницах произведения и существует до финальной поездки с обыском в имение Толстого, которое наконец-то предстает перед жандармами и перед читателями в истинном виде. Реальный образ Ясной Поляны появляется в тексте за счет небольших по объему выдержек из писем самого Толстого к родным и друзьям. Если для жандармов вымышленный образ имения рисуется в виде дома, в котором установлены типографские станки и печатаются прокламации, то для Толстого Ясная Поляна – не просто дом, но самое родное на земле место, источник силы и вдохновения. Необходимо пояснить, что в 1861–1862 гг. Толстой был занят не столько литературной деятельностью (от которой он готов был и вовсе отказаться), сколько

педагогикой – организацией школ и обучением крестьянских детей. Открывавшиеся им в усадьбе школы были значительной новацией для усадебного топоса и, конечно, не могли не смущать власть, постоянно опасавшуюся распространения революционных настроений.

Мы уже писали о том, что в одном из писем к Б.Н. Чичерину в начале 1860-х гг. Толстой сообщал об ошибках, о непозволительных промахах зрелого возраста, когда «шлянье вне дома, или писанье повестей, приятных для чтения, одинаково дурно и неблагопристойно» [Толстой 60: 327]. Под «шляньем вне дома» Толстой, конечно же, имел в виду европейские поездки Чичерина, а под «писаньем повестей» – собственную работу литератора. «Этим иллюзорным и эфемерным делам Толстой противопоставлял свое новое занятие – организацию школы в Ясной Поляне: Толстой серьезно начал заниматься обучением детей и взрослых крестьян, со своей увлеченностью писатель готов был посвятить этому делу всю жизнь, обосновывая необходимость просвещения народа» [Андреева: 68–69]. Поразительно, но неграмотные сыщики в романе Окуджавы пытаются уличить Толстого, развернувшего именно просветительскую работу с народом.

Для создания максимально полного и контрастного противопоставления топоса Ясной Поляны с точки зрения хозяина и жандармов Окуджава умело выбирает краткие толстовские цитаты. Так, отрывок из письма Толстого к Т.А. Ергольской иллюстрирует тягу писателя в родное усадебное гнездо: «...скучно ужасно и хочется домой» [Окуджава: 6]; отрывок из послания писателя к В.П. Боткину раскрывает увлеченность Толстого школами и изданием журнала «Ясная Поляна», уединенность писателя в своем имении и радость в связи с этой изоляцией: «Я смотрю из своей берлоги и думаю – ну-ка, кто кого!» [Окуджава: 33]; отрывок из письма Толстого к графине А.А. Толстой показывает, что, несмотря на московское оживление, писатель неизменно ощущал необходимость продолжения дел, которые ждали его в имении: «Нынче еду назад в деревню. Дела у меня пропасть и по школе, и по журналу, и по роману...» [Окуджава: 55]; наконец, отрывок из письма Толстого к А.Е. Берсу открывает удивительное ощущение писателя от нахождения в собственной усадьбе и занятий любимым делом [Окуджава: 58] и т. д.

Согласно логике движения авантюрного сюжета, мы видим несколько повторяющихся «подходов» сыщиков к Толстому и Ясной Поляне. Элемент повтора виден и в трех рассказах Гирса. Примечательно, что в выдумках Гирса Толстой оказывается обывателем, и, как это характерно для людей с ограниченным кругозором, сыщик представляет Толстого ровней

себе. Все три рассказа Гирса содержат необходимый для создания действенной иллюзии уровень деталей и подробностей усадебного быта. В первый свой «разговор» с Толстым Гирс успевает осмотреться в буфетной рядом с гимнастическим залом, где находит поистине барскую обстановку роскоши: «Ковры, Мишель, кругом ковры, кресла, вазы с цветами, лачей в ливрее. Хорошо, тепло... Графу я нравлюсь, это сразу видно» [Окуджава: 23]. Второй разговор происходит в номере Толстого, причем выдуманная Гирсом картинка барской жизни, когда он представляет Толстого в вишневом халате с персидскими чулками из парчи на ногах и с трубкой, дополняется реальными воспоминаниями Шипова о жизни в имении Долгорукова: «В этом месте Шипов вдруг вспомнил, как, бывало, выкатывал он в доме князя Долгорукова столик красного дерева, полированный, с перламутровыми украшениями на крышке, весь такой важный, на четырех изогнутых ножках да на колесиках. Крышка его поднималась, опрокидывалась, а из-под нее вылезал на свет Божий целый полк графинчиков и штофчиков, тоненьких, пузатых, граненых, плоских, в которых мягко колыхались всевозможные настоек, окрашенные в невероятные цвета то ли сами по себе, то ли от разноцветного посудного хрусталя. Каких там только настоек не было!» [Окуджава: 27]. Именно во втором рассказе Гирса имение Толстого четко противопоставляется городскому топосу, характеризуется как «глушь».

Наконец, в третьем из придуманных рассказов Гирс повествует о якобы состоявшемся посещении им Ясной Поляны. Формульный образ дворянской усадьбы, который представляет герой, никак не соответствует топосу настоящей Ясной Поляны. Гирс говорит о белом доме с колоннами в четыре этажа, фактически о дворце. Он рисует свой проход по длинному коридору с расходящимися от него коридорчиками, которых, разумеется, никогда не было в Ясной Поляне. Неизменным символом роскоши и обеспеченности дома является для Амадея Гирса полностью уставленный яствами стол.

Характеризуя семантику усадебного сверхтекста, О.А. Гриневиц отметила, что она «неоднородна и разделяется на несколько подуровней»: «Первый, архетипический, уровень составляет мифологическое ядро сверхтекста, основанное на мифах о Золотом веке, Аркадии, Элизиуме, библейской легенде изгнания из Рая. Второй уровень связан с логическим расщеплением мифологической семантики, что приводит к формированию бинарных оппозиций: деревня – город, природа – цивилизация, естественное – искусственное, свое – чужое, прошлое – настоящее, воображение – реальность и др. На основе семантических оппозиций складывается система мотивов и образов усадебного текста, система топосов (план

выражения), составляющая *третий уровень*» [Гриневич: 48]. В романе Окуджавы мы видим реализацию всех трех уровней семантики, причем это воплощение характерно (разумеется, в оппозиционном смысле) как для иллюзорного, «жандармского» представления об усадьбе, так и для реальной оценки усадьбы и жизни в имении самим Толстым.

Первый уровень связан с недостижимостью происходящего в имении Толстого для жандармов и возведением самим Толстым своей усадебной жизни в особенный ранг – в Ясной Поляне поистине происходил грандиозный эксперимент писателя по возвращению в «рай» или строительству своего «рая»: «Ясная Поляна + женитьба наиболее близко стояли возле идеала. Это был предметный и олицетворенный “рай”» [Басинский: 60]; «Он нарисовал этот рай в своем воображении до такой степени прозрачной ясности и в то же время конкретности, что, по сути, уже жил в нем» [Басинский: 75]; «Читая воспоминания сыновей Толстого о яснополянском детстве, нельзя не прийти к мысли, что если он мечтал устроить в Ясной Поляне отдельно взятый рай, то ему это безусловно удалось. Но только не в отношении себя и жены, а в отношении маленьких детей» [Басинский: 135]. *Второй уровень* связан с противопоставлением деревни и города, но для жандармов деревня ассоциируется с «глушью», куда тяжело добраться сыщикам, где так вольготно заниматься противозаконной деятельностью, а для Толстого усадьба противопоставлена городам как обетованный уголок – развратному Вавилону. Наконец, *третий уровень* ассоциируется в представлении Толстого с мотивом снятия покровов, естественности, родной обстановки, убежища и т. д., а в представлении жандармов и сыщиков – с мотивом преступления, тайной, опасностью и угрозой. Примечательно в этом плане письмо, которое Шипов сочиняет для подполковника Шеншина. Выпрашивая денег на дальнейшие траты и придумываемая опасность, с которой им приходится сталкиваться, Шипов так описывает усадьбу: «А в Ясную Поляну попасть очень трудно, у них там двадцать мужиков сторожат днем и ночью, а уж поймают – псами затравят, палками забьют...» [Окуджава: 71].

Кульминационным моментом произведения становится подготовка к обыску имения и собственно сам обыск. В художественном мире романа пространному описанию поездки целой процессии жандармов в Ясную Поляну предшествует длительная переписка с массой указаний, ложных обвинений и фактов, причем Шипов в этой переписке почти вытесняет Толстого. В финале документов, бумаг и писем найдется отрывок из письма Толстого к Т.А. Ергольской и послание князя Долгорукова к полковнику корпуса жандармов Дурново, который был выбран старшим для осуществления обыска в имении. Отрывок

из письма Толстого максимально прост и душевен, писатель сообщает тетушке, что почти месяц находитесь без известий из дома, скучает, выздоравливает потихоньку, а к Ильину дню собирается быть в усадьбе [Окуджава: 124]. В послании же Долгорукова собраны все фантазмагорические и гиперболизированные суждения о Ясной Поляне, в их числе – наличие 30 или 40 студентов, которые нелегально проживают у Толстого в качестве учителей; доставка в усадьбу станков и красок для печати запрещенных сочинений; надежная охрана усадьбы, в которой имеется множество потайных помещений, и др. [Окуджава: 124].

Совершающийся в 13-й главе романа обыск усадьбы расставляет всё и всех по своим местам. Более того, в процессе вмешательства в жизнь Ясной Поляны и жандармы, и Шипов понимают, что вторглись они в мирный дом, который, наоборот, заслуживает охранения от царящего в большом мире беспорядка и шума. Окуджава передает, как атмосфера усадебного проспекта, благословенного дома мудрого хозяина переносит сыщиков в совершенно другой и непривычный им мир. И начинается «возмездие» в виде умиротворения с Шипова, который оказывается на некоторое время, как пишет автор, «на небесах»: «Михаил Иванович и сам не заметил, как перешел с рысцы на медленный шаг. Медленно так, прогуливаясь, двигался, окруженный столетними великанами, чуть склонившись в правую сторону, где будто бы вышагивал рядом с ним граф, и так они шли, покуда не показался из-за деревьев приземистый дом...» [Окуджава: 129]. Знаменитый подъезд к дому Толстого почти в том же самом виде, каким его созерцал Толстой, мог наблюдать и Окуджава: «Главная планировочная ось – аллея Прешпект, подводящая от въездных башен к дому-музею, занимающему центральное положение в усадьбе» [Кулешова: 112]. Шипов, сразу осознавший свою ошибку, производит жалкие попытки защиты наиболее понятных ему «элементов» усадьбы – так, он старается заступиться за открывшую дверь и испугавшуюся горничную Дуняшу. Однако «заступничество» Шипова – такая же игра, какой было и его дознание.

Перед тем как понести наказание за свое бездействие и ложные сведения по поводу Ясной Поляны, Шипов успевает мысленно обратиться к хозяевам – Марии Николаевне Толстой, которая в отсутствие брата была в имении, и к самому Льву Николаевичу Толстому, который грезится сыщику. Центральная тема обоих обращений Шипова – покаяние в уроне, нанесенном усадьбе. «Эх Марья Николаевна, Машенька, – подумал Шипов, – казните меня, голубушка! Да кабы я знал!.. Весь дом переверотили, разбойники! А какой дом был...» [Окуджава: 132]. «А я, ваше сиятельство, к вам бечь собрался, – сказал Шипов. – Дай, думаю, добегу, где граф кумыс пьет, расскажу, что да как...

Я все рассуждаю, в ножки бы упасть, прощения у вас просить, да ведь вы не простите...» [Окуджава: 133].

Примечательно, что читателю еще раз приоткрывается усадебное прошлое Михаила Ивановича – Мишки Шипова, прекрасно служившего официантом и теперь воспринимающего свое усадебное прошлое в виде благословенного времени, а настоящее – в виде досадной ошибки: «Михаил Иванович усмехнулся невесело, покачал головой и увидел, как он, еще молодой и красивый, в розовой рубашке и новых сапогах, легко летит к берегу озера... Рыбу запекает на углях в тесте княжеский повар, укладывает ее на блюдо, украшает луком, укропом, лимонными дольками, устанавливает блюдо на поднос, и Мишка Шипов летит обратно к поляне, где раскинулся княжеский пикник. Затем господа уходят в лес беседовать и аукаться, а Мишка сливает остатки вина, и пьет, и ест запеченную остывшую рыбу...» [Окуджава: 136].

Таким образом, мы постарались показать, что топос Ясной Поляны играет в произведении Окуджавы первостепенное значение, получая реализацию на разных уровнях семантики усадебного сверхтекста. Именно топос Ясной Поляны способствует гармоничному сочетанию жанров исторического и авантюрно-психологического романов, позволяет писателю выстроить целую систему оппозиций героев, точек зрения, отношения к событиям. Торжество усадебного топоса в произведении показано как восстановление справедливости, происходящее в результате соприкосновения жандармов с тем местом и тем домом, которые (как и их хозяин) оказались оклеветанными.

Библиографический список

Андреева В.Г. «Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л.Н. Толстого и Б.Н. Чичерина // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 1. С. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>

Басинский П.В. Лев Толстой: бегство из рая. Москва: АСТ: Астрель, 2010. 636 с.

Бойко С.С. Проза Булата Окуджавы на исторические сюжеты в историко-литературном контексте // Филологические науки. 2010. № 1. С. 3–13.

Выдрина В.В. Проблема историзма и исторического романа в творческом сознании А. Пушкина и Б. Окуджавы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3 (118). С. 125–131.

Гриневиц О.А. Динамика функционирования усадебного сверхтекста русской литературы: семантика, синтактика, прагматика // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 1 (49). С. 46–60. <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2020-49-1-46-60>

Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. Москва: Изд-во АН СССР, 1957. 915 с.

Кулешова М.Е. Русская усадьба как перспективный объект Всемирного наследия ЮНЕСКО: на примере «Ясной Поляны» Л.Н. Толстого // Наследие и современность. 2020. Т. 3, № 4. С. 109–127.

Матюшкина Е.Н. Авантюренность в исторической прозе Б. Окуджавы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 1, № 3. С. 43–49.

Окуджава Б.Ш. Похождения Шипова, или Старинный водевиль. Истинное происшествие. URL: https://imwerden.de/pdf/okudzhava_pochozhdeniya_shipova.pdf (дата обращения: 22.04.2024)

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Москва: Худож. лит., 1928–1958.

Хуторской А.В. Свободная школа Л.Н. Толстого // Школьные технологии. 2010. № 6. С. 93–96.

References

Andreeva V.G. «*Liubeznyy drug... ne serdis' za otkrovennost'!*»: *perepiska L.N. Tolstogo i B.N. Chicherina* ["Dear Friend... Do not be Angry for Frankness!": Correspondence of L.N. Tolstoy and B.N. Chicherin]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2023, vol. 5, No. 1, pp. 54-83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>. (In Russ.)

Basinskii P.V. *Lev Tolstoy: begstvo iz raia* [Lev Tolstoy. Escape from Paradise]. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2010, 636 p. (In Russ.)

Boiko S.S. *Proza Bulata Okudzhavy na istoricheskie siuzhety v istoriko-literaturnom kontekste* [Prose of Bulat Okudzhava on historical subjects in a historical and literary context]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2010, No. 1, pp. 3-13. (In Russ.)

Grinevich O.A. *Dinamika funktsionirovaniia usadbnogo sverkhsteksta russkoi literatury: semantika, sintaktika, pragmatika* [Dynamics of functioning of the estate supertext of Russian literature: semantics, syntactics, pragmatics]. *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Smolensk State University], 2020, No. 1 (49), pp. 46-60. <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2020-49-1-46-60> (In Russ.)

Gusev N.N. *Lev Nikolaevich Tolstoy. Materialy k biografii s 1855 po 1869 god* [Lev Nikolaevich Tolstoy. Materials for biography from 1855 to 1869]. Moscow, Izdvo AN SSSR Publ., 1957, 915 p. (In Russ.)

Khutorskoi A.V. *Svobodnaia shkola L.N. Tolstogo* [Free School L.N. Tolstoy]. *Shkol'nye tekhnologii* [School technologies], 2010, No. 6, pp. 93-96. (In Russ.)

Kuleshova M.E. *Russkaia usad'ba kak perspektivnyi ob'ekt Vsemirnogo naslediiu UNESCO: na primere "Iasnoi Poliany"* L.N. Tolstogo [Russian estate as a promising UNESCO World Heritage Site: on the example of "Yasnaya Polyana" L.N. Tolstoy]. *Nasledie i sovremennost'* [Heritage and modernity], 2020, vol. 3, No. 4, pp. 109-127. (In Russ.)

Matiushkina E.N. *Avantiurnost' v istoricheskoi proze B. Okudzhavy* [Adventurism in the historical prose of B. Okudzhava]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the A.S. Pushkin Leningrad State University], 2013, vol. 1, No. 3, pp. 43-49. (In Russ.)

Okudzhava B.Sh. *Pokhozhdeniia Shipova, ili Starinnyi vodevil'*. *Istinnoe proisshestvie* [The Adventures of Shipov, or Vintage Vaudeville. True incident]. URL: https://imwerden.de/pdf/okudzhava_pochozhdeniya_shipova.pdf (access date: 22.04.2024). (In Russ.)

Tolstoi L.N. *Poln. sobr. soch.: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols.]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1928-1958. (In Russ.)

Vydrina V.V. *Problema istorizma i istoricheskogo romana v tvorcheskom soznanii A. Pushkina i B. Okudzhavy* [The problem of historicism and the historical novel in the creative consciousness of A. Pushkin and B. Okudzhava]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2012, No. 3 (118), pp. 125-131. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена после рецензирования 12.05.2024; принята к публикации 24.05.2024.

The article was submitted 30.04.2024; approved after reviewing 12.05.2024; accepted for publication 24.05.2024.